The Armenian Center
for National and International Studies

Ռազմավարական եւ Ազգային Հետազոտությունների
Հայկական Կենտրոն

Армянский Центр Стратегических и
Национальных Исследований

МАНВЕЛ САРКИСЯН
старший эксперт Армянского Центра
Стратегических и Национальных Исследований

Дискуссии по проблеме Нагорного Карабаха: что изменилось?

23 октября 2008 г.
г.Ереван

Мнения авторов публикаций не всегда совпадают с позицией АЦСНИ.

© 2008, Ռազմավարական եւ Ազգային Հետազոտությունների Հայկական Կենտրոն:
Հոդվածի կամ նրա առանձին հատվածների հրապարակումը առանց ՌԱՀՀԿ-ի գրավոր թույլտվության՝ արգելվում է:

© 2008, Армянский Центр Стратегических и Национальных Исследований.
Публикация статьи или отдельных ее частей без письменного разрешения АЦСНИ запрещена.

© 2008, Armenian Center for National and International Studies.
This publication may not be reproduced or published, in whole or in part, without the express written consent of the Center.

Дискуссии по проблеме Нагорного Карабаха: что изменилось?

В Армении наступил очередной период активизации дискуссий по проблеме Нагорного Карабаха. Толчком к этому явилось августовское вторжение российских войск на территорию Грузии и последующее признание со стороны России независимости грузинских провинций Южная Осетия и Абхазия. Данные события интенсифицировали международные усилия по урегулированию проблемы Нагорного Карабаха. То обстоятельство, что в дипломатии урегулирования этой проблемы возникли сложности, а этими сложностями быстро воспользовались Турция и Россия, породило обеспокоенность обществ конфликтующих сторон.

17 октября лидер радикальной оппозиции Армении Левон Тер-Петросян даже призвал граждан Армении на время прекратить массовые выступления, мотивировав свое решение тем, что внутриполитическая напряженность становится дополнительным поводом для усиления давления на Армению. Тер-Петросян призвал общественность к широким дискуссиям с целью предотвращения неблагоприятного для Армении решения Карабахской проблемы.

Подобная позиция лидера оппозиции резко повысила интерес общественности к визиту 20 октября в Армению президента России Дмитрия Медведева. На фоне распространившихся слухов о намерении России выдвинуть план собственного урегулирования, предполагающий размещение российских войск в зоне Нагорного Карабаха, а также, упорного молчания руководства Армении, возникшая вокруг Нагорного Карабаха ситуация стала восприниматься в качестве угрозы национальным интересам Армении.
Приезд Дмитрия Медведева в Армению мало что прояснил. Стало ясным лишь то, что руководство Армении остается приверженным традиционному формату дипломатии урегулирования в рамках Минской группы и выдвинутым ею так называемым Мадридским принципам. Что-либо, касающееся российской инициативы не прояснилось. Однако, в ситуации возникла интрига, связанная с заявлением Медведева о том, что он надеется на скорую встречу «трех президентов» в Москве. Так или иначе, претензии России на установление своего диктата в дипломатии урегулирования себя проявили.

Логично было ожидать, что повышенная встревоженность общественности Армении приведет к всплеску дискуссий по сложившейся вокруг Нагорного Карабаха политической и дипломатической ситуации. Эти дискуссии затронули широкий спектр проблем: от степени надежности руководства Армении в вопросах урегулирования до вариантов воздействия общества на дипломатию урегулирования. Особый статус в дискуссиях приобрела проблема необходимости признания НКР со стороны Армении, или же наоборот, неприемлемость такого шага.

В последние годы в пользу признания парламентом Армении независимости НКР выступил в августе 2007 года лидер оппозиционной парламентской фракции «Жарангутюн» Раффи К. Ованнисян. Примечательно, что в настоящее время такой же позиции придерживается и первый президент Армении Левон Тер-Петросян, до сих пор известный как сторонник поэтапного урегулирования и переноса вопроса статуса на конечный период урегулирования. Признание НКР как механизм реальной политики в политической среде Армении не является популярной идеей. Ее противником является правящая коалиция, в том числе, «национальная» партия А.Р.Ф.Дашнакцутюн. Впервые в системе власти Армении возможность признания НКР и заключения с ней межгосударственного договора продекларировал бывший президент Армении Роберт

Кочарян. Однако, его позиция сводилась скорее всего, к использованию фактора признания в качестве механизма шантажа по отношению к Азербайджану.

В настоящий момент, проблема признания или не признания независимости НКР впервые обрела серьезный смысл. На фоне появившихся прецедентов одностороннего признания независимости Косово, Абхазии и Южной Осетии со стороны мировых держав такой шаг уже не рассматривается как лишенный политической силы акт. В центр внимания выходит аспект целесообразности признания.

Одной из наиболее распространенных в Армении мнений является мнение о том, что признание НКР недопустимо в силу того, что появление второго армянского государства противоречит национальным интересам Армении. Сторонники этой версии ссылаются на совместное решение Верховного совета Арм. ССР и Национального совета НКАО от 1 декабря 1989 года о воссоединении НКАО с Арменией. Ими предлагается признать Нагорный Карабах составной частью Армении и укоренить в государственной политике Армении курс на претворение в жизнь данного решения. Эту версию можно назвать версией полной интеграции Нагорного Карабаха в Республику Армения и конституционное закрепление этого акта.

Второй версией является версия о необходимости признания независимости НКР и заключения с ней полномасштабного межправительственного договора. В частности, договора о военном присутствии вооруженных сил Республики Армения в качестве гаранта безопасности НКР. Сторонники этой версии придают приоритет принципам международного права и характеру нынешних тенденций международного развития. Считается, что подобная политика Армении может найти поддержку со стороны ряда влиятельных внешних сил. Кроме того, такая политика рассматривается как конкретный механизм обеспечения реализации национальных интересов Армении.

Третий подход проявляют действующие власти Армении. Он сводится к идее об изъятии проблемы признания НКР из внешней политики и придания приоритета переговорному процессу в рамках Минской группы ОБСЕ. Считается, что участие Нагорного Карабаха в переговорах не является принципиальным обстоятельством. Так же считается, что проблема должна решиться на основе компромисса, что выражается в готовности уступить часть контролируемых армянскими силами территорий Азербайджану в обмен на признание независимости НКР со стороны последнего. Никаких принципиальных изменений в международных подходах после кризиса в Грузии не усматривается.

Такова картина дискутируемых подходов к проблеме Нагорного Карабаха уже на протяжении более десяти лет. Надо отметить, что нынешний этап дискуссий отличается той спецификой, что входит в резонанс с новыми международными реалиями. Независимо от того, как оцениваются эти реалии, все уверены в одном: классический период посредничества Минской группы ОБСЕ завершился. Независимо от того, будет ли существовать далее этот формат, доверие к нему уже не столь крепкое. И дело не только в том, что отношения России с западными странами осложнились. Дело в том, что в ситуации появились новые факторы, значительно сузившие возможности переговорного процесса в рамках Минской группы. Конкретнее, появились интересы перевода переговорного процесса в иные форматы. Причем, данная проблема обретает геополитический смысл.

Не случайно, что со стороны западных держав делаются усилия ускорить процесс урегулирования. Видимо, всем становится ясным, что долго удерживать переговоры в этом формате не удастся. И дело не только в появлении новых интересов и инициатив.

Дело в самой философии урегулирования. Подход Минской группы сформировался полтора десятилетия назад и мало вероятности, что он может сохранить свою дееспособность в радикально изменившихся международных условиях. И без того, в указанном подходе имелось много спорного.

Об этом стоит поговорить подробнее, поскольку характер возможных изменений в подходах к урегулированию во многом связан и с самим подходом Минской группы. В деле сохранения режима прекращения огня эта структура свою миссию несомненно, выполнила. Но означает ли это, что предложенный ею метод урегулирования дееспособен? Это можно прояснить, ближе познакомившись с некоторыми аспектами подхода Минской группы.

В первую очередь, это касается взятого Минской группой на вооружение принципа ***компромиссного*** решения и самого ***предмета компромисса***. Во времени мало кто думал о сути данного принципа урегулирования. Тем более, что в мировой практике нового времени отсутствовали иные подходы, скажем, принцип одностороннего признания. Но сегодня уже можно утверждать, что именно заданная Минской группой схема поиска компромиссного решения является причиной перманентной стагнации переговорного процесса, а также, причиной периодических срывов достигаемых договоренностей.

Причин много. Скажем, параметры интересов и влияющих на конфликтную ситуацию факторов меняются с большей скоростью, чем скорость поиска самого решения. То есть, во времени, предмет компромисса обрастает дополнительными условиями, увеличивающими преграды на пути решения. Кроме того, сам предмет компромисса смоделирован спорно.

Сделанные утверждения требуют подробного пояснения. В этом смысле, необходимо обратить внимание на истоки возникновения предложенной схемы предмета компромисса, лежащие в начале 1990-х годов. Уже в марте 1992 года при основании Минского формата переговоров в рамках ОБСЕ (на совещании министров иностранных дел стран-членов СБСЕ 14 марта 1992 года), схема предмета компромисса выкристаллизовалась совершенно отчетливо.

Эта схема, по сути, сводилась к ***восстановлению схемы военного контроля, демографической ситуации и коммуникаций на уровне 1991 года.*** Далее предлагалось согласие по статусу Нагорного Карабаха, в той или иной форме соответствующего международным нормам, на специально созванной конференции в городе Минске. При этом, наиболее примечательным обстоятельством в данной схеме была ее приверженность к закладыванию специфических основ определения будущего статуса Нагорного Карабаха – намек на двухобщинность этого субъекта.

Документальное оформление схемы ***модели компромисса*** произошло уже на следующий год после учреждения Минского процесса СБСЕ. Принятые в 1993 году в период активных военных действий в зоне конфликта резолюции СБ ООН, не взирая на их ситуационную конкретику, в точности соответствовали определенной в 1992 году схеме предмета компромисса. Они требовали восстановления военной и демографической ситуации, восстановления прежнего уровня взаимоотношений конфликтующих сторон, и только. То есть, статус-кво до начала коренного изменения военной ситуации.

Итак, мировое сообщество, предлагая конфликтующим сторонам логику поиска решения на основе компромисса, строго придерживается и приемлемой для нее схемы такого компромисса. На основе каких именно международных норм выработана описанная

модель компромисса, сказать сложно. Проявляет себя лишь принцип приверженности к статус-кво. Именно отсюда рождается указанная философия подхода к решению проблемы.

Однако, здесь следует рассмотреть основную причину возникших сложностей. А для этого необходимо глубже взглянуть на основные документы, узаконившие схему модели компромисса – четыре резолюции СБ ООН 1993 года. В этом смысле примечательно то обстоятельство, что цель указанных резолюций ***сводилась к прекращению военных действий***. Требования резолюций восстановить статус-кво в рамках военной и демографической ситуации в зоне конфликта на уровне 1991 года рассматривались как условия прекращения боевых действий. То есть, резолюции преследовали ключевую цель, а именно, прекращение военных действий. В тот период, требования восстановления той или иной схемы противостояния выглядели вполне логичными.

Из всех требований реализовалось лишь условие прекращения огня и заключение соглашения о прекращении огня. При этом, военные действия были остановлены под воздействием иного фактора – поражения Азербайджана. Необходимости выполнить иные требования резолюций не проявилось. Зато, комплекс этих требований был переведен в переговорный процесс, имеющий уже цель урегулировать процесс. То есть, мероприятия, обозначенные для достижения одной цели, машинально были перенесены в процесс с иной целью. Казалось, что особых сложностей такой предмет компромисса не должен был вызвать.

Опыт многолетних переговоров показал, что это не так. Восстановление статус-кво 1991 года как условие урегулирования конфликта, оказалось трудно достижимым условием. Игнорирование факта и нового политического смысла формирования принципиально новой военно-политической ситуации в зоне конфликта лишь осложнило процесс достижения соглашения об окончательном исчерпании конфликтной ситуации. Иного и быть не могло, поскольку схема компромисса, имеющая цель прекращения военных действий не могла быть эффективной для достижения иной цели. На это мало кто обратил внимания – сработали стереотипы периода «холодной войны», точнее приверженность международным принципам того времени. Казалось, что в новых условиях возможно применение принципов нарушенного мирового порядка.

* * *

Приведенные выше рассуждения позволяют со всей серьезностью отнестись к возможности полного пересмотра подходов к урегулированию Карабахского конфликта в нынешний момент. Что спустя полтора десятилетия по предложенной Минской группой модели компромисса можно будет достигнуть согласия, трудно поверить. Скорее всего, в политической жизни укрепятся новые подходы. Исходя из сказанного, появляющиеся в настоящий момент новые инициативы тех или иных держав могут выглядеть серьезными, если они затрагивают не только переговорный формат, но и содержание предложений. В этом смысле, активизировавшиеся дискуссии могут стать дополнительными факторами в деле выработки новых подходов.

Манвел Саркисян
старший эксперт Армянского Центра
Стратегических и Национальных Исследований